

УДК 821.111-1»18»

Т. Н. Потницева

Т. М. Потницева

T. N. Potnitseva

*Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара
Дніпропетровський національний університет імені Олеса Гончара
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University*

**«ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОЕГО ДЯДЮШКИ» (1824) ВАШИНГТОНА
ИРВИНГА: СВОЕОБРАЗИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ВЕКТОРА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ**

**«ПРИГОДИ МОГО ДЯДЬКА» (1824) ВАШИНГТОНА ИРВИНГА:
СВОЄРІДНІСТЬ ЄВРОПЕЙСЬКОГО ВЕКТОРА ХУДОЖНЬОГО
МИСЛЕННЯ**

**«THE ADVENTURE OF MY UNCLE» (1824) BY WASHINGTON IRVING:
PECULIARITY OF ARTISTIC THINKING VECTOR**

У центрі уваги «зустріч/зіткнення» європейського та американського у художньому мисленні В. Ірвінга – зачинателя національної американської літератури.

Європейське визнання значущості його творчості, очевидне тяжіння до здобутків європейської культури співвідносилися у новелах письменника з вже сформованими ознаками американського словесного мистецтва, американського художнього мислення.

Мініатюрне оповідання «Пригоди мого дядька» зі всією очевидністю втілює цю особливість манери В. Ірвінга. Іронічно-пародійне ставлення до традиції літератури Старого Світу, як загальнонаціональна риса американської літератури епохи романтизму, знаходить своє втілення у пародії на європейський (англійський, перш за все) готичний роман. Пародійний модус виявляється і у наскрізному прийомі «зниження» ознак цього жанру в оповіданні В. Ірвінга. Іронічно-пародійні стріли націлено й у бік романтичного історичного роману В. Скотта. Американський романтик пародіює логіку та схему жанру, «батьком» якого був автор «Айвенго».

Гра з європейською літературою є втіленою й у постійному зіткненні піднесеного та прозаїчного, буквального і образного, серйозного і комічного.

Ключові слова: європейська традиція, американський романтизм, новела, пародія, готичний роман, романтичний історичний роман.

В центре внимания «встреча/столкновение» европейского и американского в художественном мышлении В. Ирвинга – зачинателя национальной американской литературы. Европейское признание значимости его творчества, очевидное тяготение к достижениям европейской культуры и литературы, тем не менее, сочеталось в его новеллах с уже сформировавшимися приметами американского словесного искусства, американского художественного мышления.

Миниатюрный рассказ «Приключения моего дядюшки» со всей очевидностью воплощает эту особенность манеры В. Ирвинга. Иронико-пародийное отношение к традициям литературы Старого Света – общенациональная черта американской литературы эпохи романтизма – находит свое воплощение в пародии на европейский (английский прежде всего) готический роман.

Пародийный модус проявляется в сквозном приеме «снижения» примета этого жанра в рассказе В. Ирвинга. Иронико-пародийные стрелы направлены и в сторону

романтического исторического романа В. Скотта. Американский писатель пародирует логику и схему романа, отцом которого считается автор «Айвенго».

Игра с европейской литературой воплощена в постоянном столкновении возвышенного и прозаичного, буквального и образного, серьезного и комичного.

Ключевые слова: европейская традиция, американский романтизм, новелла, пародия, готический роман, романтический исторический роман.

The paper focuses on the problem of «encounter» of European and American components in the artistic thinking of W. Irving – a founder of the American national literature.

The European acknowledgement of the writer's creative art value, his obvious tending to the achievements of the European culture and literature nevertheless coincided in his tales with the traits of the American verbal art and artistic thinking being in formation at that time.

A miniature short story «The Adventure of my Uncle» surely embodies all these peculiarities of W. Irving's manner. The ironic and parody attitude to the traditions of the Old World culture and literature – a common national feature of the Romantic epoch in the USA – finds its embodiment in Washington's parody of the European (English, first of all) Gothic novel.

The parody modus is revealed in the through device of this genre poetics «lowering» in the tale under study. The ironic parodying arrows are aimed at the Romantic historical novel by Walter Scott. The American romantic writer parodies the logic and scheme of this genre the founder of which was the author of «Ivanhoe».

The play with the traditions of the European literature is embodied in the constant confrontation of the lofty, sublime and prosaic, matter-of-fact, real and imaginary, serious and comic.

Keywords: European tradition, American Romanticism, tale, parody, Gothic novel, Romantic historical novel.

В контексте истории американского романтизма творчество Вашингтона Ирвинга (1783–1859) кажется более всего ориентированным на европейскую, английскую, прежде всего, традицию. Факт национальной биографии наложился на собственную биографию писателя, около 20 лет прожившего на европейском континенте. В 1833 г. журнал «North American Magazine» сокрушался, что Ирвинг «писал в основном в Англии, об Англии и для английской публики» [1, с. 27].

Европейское признание писателя, как известно, было отмечено избранием его в 1822 г. членом Шекспировского мемориального комитета, по поводу чего происходили бурные дебаты и в Англии, и в Америке. В то же время неподражаемый характер творчества писателя, его яркий, самобытный, национальный характер, обусловивший факт признания Ирвинга зачинателем истории американской национальной литературы, заставляет задуматься о своеобразии европейского вектора и европейской оставляющей в произведениях автора эпохи Никербокера.

Миниатюрный рассказ «Приключения моего дядюшки», включенный в сборник «Рассказов путешественника (1824)», позволяет выяснить некоторые аспекты взаимодействия американского и европейского.

Рассказ, выбранный для анализа, – один из тех, в котором со всей очевидностью воплотилась привязанность писателя к европейской традиции и европейскому контексту изображения: место действия здесь – Франция, герои – английский путешественник и французский маркиз. Событие истории – приключение в старинном замке, принадлежащем знатному аристократическому роду. В одной

из его заброшенных башен, как и водится в соответствующей литературе, происходит встреча героя с привидением. Аллюзия на готический роман красноречива. Но важно, каков модус интерпретации примет этого жанра.

Этот модус обозначен еще одной аллюзией, появляющейся в предисловии, предваряющем рассказ дядюшки. Упомянутое здесь имя Вальтера Скотта, завуалированное как Великий Незнакомец (The Great Unknown [2, с. 108]) отошлет читателя к романтическому историческому роману, другому жанру, который окажется в поле ирвинговской игры с европейской традицией. Эта игра, а скорее, пародия на европейские жанры, будет воплощена автором в постоянном столкновении возвышенного и прозаичного, буквального и образного, серьезного и комичного.

С самого начала В. Ирвинг «снижает» до банальности не только «легенду» о великом барде, но, главным образом, тот жанр исторического романа, который его прославил. Американский романтик демонстративно следует логике и схеме романов В. Скотта и начинает свое повествование с предисловия, которое у английского романиста, как известно, было одним из обязательных элементов композиционной структуры большинства исторических произведений. В предисловиях автор излагал взгляды о существенных принципах собственного художественного метода либо давал пространные пояснения теме и изображаемой ситуации.

Предисловие в рассказе В. Ирвинга пародирует кажущуюся американскому писателю абстрактность и алогизм этой части произведений В. Скотта, их малую отнесенность с основным сюжетом. В предисловии к «Рассказу моего дядюшки» упоминание о человеке, который будто бы каким-то образом связан с основной историей рассказа, намеренно теряется в путаных, далеких от логики повествования рассуждениях о несостоявшемся знакомстве с В. Скоттом. Мысль Ирвинга о рыхлости, нестройности сюжетной композиции отца исторического романа подкрепляется недвусмысленным рефреном «But all this has nothing to do with my story». Любопытно, что эта черта художественной манеры, подмеченная американским романтиком у писателя, перед которым он всегда испытывал восторг, была признана и самим В. Скоттом в его дневниках, в анонимной авторецензии на «Рассказы гуртовщика»: «... никогда не умею составить план, а если и составляю, то никогда не придерживаюсь его: когда пишу, одни эпизоды разрастаются, другие сокращаются или вовсе исчезают...» [3, с. 699].

Объектом пародии для Ирвинга оказывается и вальтер-скоттовский принцип создания исторического колорита. В своем рассказе американский автор педалирует на постоянное уточнение исторического времени и события: дает датировку исторического времени происходящих событий – «before the French Revolution», определяет политическую ситуацию – «when the English and French were on better terms», конкретизирует место действия «he was making a journey in that part of Normandy called the Pays de Gaux». Пародийный смысл всех этих «уточнений» в том, что они у Ирвинга либо автономны от сюжета, либо подчеркнут контраст между историческим, реальным и вымышленным, фантастическим.

В. Ирвинг обыгрывает и принцип создания местного колорита, который, как писал В. Скотт в предисловии к «Айвенго», основывался на введении в текст специфичной для национально-исторического контекста лексики. Американский писатель намеренно «осовременивает» язык своих персонажей, вводит в повествование, хотя и иноязычные, но совершенно банальные, расхожие для его собственного времени слова и выражения – «са-са», «poissard», «bon repes»,

«canaille». А многозначительный прием их графического выделения, характерный для В. Скотта, еще больше подчеркивает полемико-пародийный характер ирвинговского повествования.

Дискредитация популярного в Европе, в Англии более всего, жанра готического романа происходит у В. Ирвинга с помощью того же приема «снятия» значимости многих узнаваемых примет его поэтики, за счет парадоксального столкновения разных планов, разных повествовательных ключей.

Действие рассказа разворачивается по знакомой модели романов Радклиф, Уолпола, Льюиса. Завязка – изображение замка, зловещий облик которого обязательно оттенен светом заходящего солнца; отмечено странное поведение его обитателей (здесь – форейтора), странные обстоятельства, приведшие героев (здесь – дядюшку) в заброшенную башню и, наконец, кульминация – встреча с привидением, разгадка тайны, рокового проклятия.

Но каждый этап продвижения по лабиринтам готического произведения у Ирвинга сопровождается его ироничным осмыслением. Так, зловещий облик замка разрушен сопоставлением из другого, нефрентического, плана. Верхушки башен напомнили герою «a candle with an extinguisher on it», а ключевое слово «cold» в смысле «хладный», «мрачный» теряет свою многозначность и низведено до буквального – «холодный» как только лишь физическое ощущение героя – «cold water ... to make one's teeth chatter». Странное поведение форейтора (неистовое пощелкивание кнутом, многозначительность слов, взглядов), которое бы в готическом романе создавало эмоциональное напряжение и способствовало бы развитию сюжета, у Ирвинга с ним, сюжетом, никак не связано. И от этого кажется смешным и нелепым. Как справедливо отметит сам автор об этом герое: «путается (floundering) под ногами». Роковые обстоятельства, которые приводили героиню Радклиф в заброшенные башни, у Ирвинга заменены обстоятельствами приземленно-житейскими, тем, что «the better apartments were already occupied», а само привидение появляется в облике уставшей, утомленной женщины, по-домашнему расположившейся у камина.

В пародии на исторический роман В. Скотта и на готический роман, как нетрудно заметить, В. Ирвинг намеренно следует логике, выработанному стереотипу читательского восприятия, чтобы тут же эту логику и стереотип опровергнуть. Американский писатель восстает против некоего схематизма и заданности художественного мышления своих бывших соотечественников. И в этом взгляды В. Ирвинга совпадают с оценками стереотипности модели, прежде всего, готического романа в самой Англии. «Нортенгерское аббатство» Д.Остин тому яркий пример. В восприятии готического и исторического романа – двух самых популярных жанров эпохи предромантизма и романтизма – В. Ирвинг воплотил, с одной стороны, общеромантическую устремленность к свободе и неангажированности творческого воображения, а с другой – по-американски, взывал к «логической» разработанности материала, композиции, когда размышлял над манерой В. Скотта. «Национальный акцент» оппонента европейской литературы был связан с прагматичными и прозрачными эстетическими задачами, с более пристальным интересом к форме художественного произведения. В этом В. Ирвинг был предшественником и промоутером «теории эффекта», которую разрабатывал и блестяще воплощал в своем творчестве Э. По. Суть этой теории, как известно, было в максимальной сосредоточенности на создании целостного впечатления, а

принцип «спонтанности», как писал еще в 60-х годах американский исследователь Р. Джакобс, заменялся принципом сознательного отбора [6, с. 152]. Именно с таких позиций критиковал и Э. По английских романистов XV111–XIX вв. – Годвина, Диккенса, Бульвер-Литтона.

Пародийное изображение модели готического и исторического романа у В. Ирвинга было во многом определено специфическим пониманием функции и роли воображения, вымысла в художественном произведении, которые в сознании европейских, английских, прежде всего, романтиков были первостепенны. Прагматизм и практицизм американского романтизма, его «земная» сущность подвергали сомнению абсолютизацию мира вымысла и фантазии в творчестве заокеанских собратьев по перу. Чудесное и сверхъестественное не волнует и не впечатляет героя рассказа В. Ирвинга. Молодецкий сон сражает его в тот самый момент, когда бы любая из героинь Радклиф трепетала от ужаса, ожидая осуществления роковых предзнаменований. Недвусмысленно сопоставление невзрачного, жалкого облика маркиза с портретом его величественных предков или изображение маркиза на фоне исторической реликвии – огромного меча, который он не в состоянии поднять, шлема, в котором голова его выглядит горошиной. Романтическая ностальгия европейца по прошлому – тоже объект насмешки для американца и потому, что это уже «чужое» прошлое, и потому, что взгляд его в большей мере будет устремлен либо в будущее, либо к происходящему сегодня с бесконечной верой в осуществление своей американской мечты. В отличие от Гофмана, Кольриджа, Байрона, мироощущение В. Ирвинга не столь пессимистично. Как и Э. По, он дает возможность своим героям найти свое Эльдorado, даже если заведомо известно, что оно в Долине Мертвецов.

Ирвинговский добродушный юмор незнаком европейским романтикам. В приветствуемом автором практицизме героя – дядюшки, в его неверии в сверхъестественное – воплощение национальной американской психологии (хотя дядюшка – англичанин), основанной на европейском опыте и этот опыт переоценивающий. Для Диккенса, как помним, практицизм и рационализм были отрицательными приметами американской нации, которые он критиковал во время своей поездки в Америку.

«Здравый смысл» героя Ирвинга (как и углубленный аналитизм героев Э. По) подвергает сомнению существование сверхъестественных сил. И в этом он вызывающе антиромантичен. Ему чужда утонченность духа, чувствительность, раздирающий душу самоанализ – качества, в которых американский писатель видит эстетическую ограниченность, «заданность» европейского романтического героя и, следовательно, схематизм в его изображении. В размышлениях дядюшки на сон грядущий как бы собран весь «джентльменский набор» впечатлений, формирующих романтическую духовность: «His fancy was already wandering and began to mingle up the present scene with the crater of Vesuvius, the French Opera, the Coliseum at Rome, Dolly's Chophouse in London». Последнее в перечне – «мясной ресторан в Лондоне» разрушает высокий романтический пафос и опускает все на землю, к реальной жизни.

Рассказ завершается странной концовкой – повествование обрывается на самом интересном фамильярно-разговорном восклицании рассказчика «Bah». И в этом тоже выпад против излюбленной романтиками фрагментарности, многозначительной недосказанности повествования.

Переосмысливая предромантические и романтические традиции европейской литературы, В. Ирвинг выбирает в собственном творчестве тот путь, по которому шло развитие американской литературы. Будучи в русле общеевропейского литературного движения, автор «Рип Ван Винкля» оставался американским писателем с национальной психологией творчества и национальным эстетическим вкусом.

Библиографические ссылки

1. **Lease Benjamin.** Anglo-American Encounters. England and the Rise of American Literature. – Cambridge, 1981.
2. **Irving Washington.** Tales. – М. : Progress Publishers, 1982.
3. **Скотт В.** Дневники // В.Скотт. Собр. соч : в 20-ти тт. – М.-Л., 1965. – Т. 20.
4. **Jacobs R.D.** Poe. Journalist and Critic. Lousianna University Press, 1969.

Надійшла до редколегії 17.10.2015